

ВИСЕНТЕ БЛАСКО-ИБАНЬЕС

СВИСТ

Висенте Бласко-Ибаньес

СВИСТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167595

Аннотация

«Весь театр был охвачен восторгом. Какой дебют! Какое чудное представление Лоэнгина! Какое сопрано у этой артистки!

На красном фоне кресел в партере виднелись головы мужчин и неподвижные башни из лент, цветов и тюля, не склонявшиеся друг к другу ни от скуки, ни для болтовни; в ложах царила полная тишина; нигде не было слышно разговоров даже вполголоса. Наверху, в адской галерее, называемой в насмешку раем, восторг вспыхивал шумно и неизменно, словно глубокий вздох удовлетворения, каждый раз, как раздавалось нежное, сильное и мощное сопрано. Какое чудное представление! Все в театре казалось новым. Оркестр состоял из ангелов. Даже центральная люстра светила ярче...»

Висенте Бласко-Ибаньес

СВИСТ

Весь театр был охвачен восторгом. Какой дебют! Какое чудное представление Лоэнгрин! Какое сопрано у этой артистки!

На красном фоне кресел в партере виднелись головы мужчин и неподвижные башни из лент, цветов и тюля, не склонившиеся друг к другу ни от скуки, ни для болтовни; в ложах царила полная тишина; нигде не было слышно разговоров даже вполголоса. Наверху, в адской галерее, называемой в насмешку раем, восторг вспыхивал шумно и неизменно, словно глубокий вздох удовлетворения, каждый раз, как раздавалось нежное, сильное и мощное сопрано. Какое чудное представление! Все в театре казалось новым. Оркестр состоял из ангелов. Даже центральная люстра светила ярче.

Немалую роль играло в этом восторге чувство удовлетворенного патриотизма. Сопрано была испанка, только переименовавшая свою девичью фамилию Лопес на итальянскую фамилию мужа, тенора Франкетти, великого артиста, который, женившись на ней, поднял ее на высоту всемирной известности. Какая это была красивая женщина! Одна из первых красавиц в мире – стройная, с гордой осанкой, руки и шея с прелестными округлостями. Белое, тюлевое платье Эльзы свободно лежало на талии, но плотно облегалo и чуть

не рвалось над роскошными округлостями её тела. Её черные, восточные глаза, горевшие страстным огнем, составляли резкий контраст с белокурым париком принцессы брабантской. Красавица испанка была на сцене робкою, нежною, покорною женщиною, отвечавшею мечтам Вагнера, верившею в силу своей невинности и ждавшею спасения от неизвестного.

Рассказывая о своем сне перед королем и его свитою, она пела так нежно и трогательно, с опущенными руками и восторженным поднятым кверху взором – словно видя на облаке таинственного паладина – что публика не была в силах сдерживаться дольше, и оглушительный взрыв аплодисментов и криков вырвался из всех углов театра, даже из коридоров, точно громкий залп целого ряда пушек.

Скромность и грация, с которою артистка раскланивалась на все стороны, еще больше разожгла восторг публики. Какая это женщина! Видно, что она хорошо воспитана! А что касается её душевной доброты, то все невольно вспоминали подробности её биографии. Она посылала ежемесячно деньги престарелому отцу, чтобы тот мог прилично жить на покое, и этот счастливый старик следил из Мадрида за успехами дочери по всему свету.

Как это было трогательно! Некоторые дамы подносили к глазам кончик пальца в перчатке, а в райке какой-то старик хныкал, закутавшись с носом в плащ, чтобы заглушить плач. Соседи смеялись над ним. Ну, ну, голубчик, нечего реветь!

Представление продолжалось среди всеобщего восторга. Глашатай предлагал присутствующим выступить на защиту Эльзы. Ладно, нечего. Публика, знавшая оперу наизусть, была посвящена в тайну и знала, что никакой смельчак не выйдет на защиту Эльзы. Тогда выступили, под звуки зловещей музыки, женщины в вуалях, чтобы увести ее на казнь. Но все это были лишь шутки; Эльза находилась в полной безопасности. Но когда храбрые брабантские воины заволновались на сцене, завидя вдали таинственного лебедя и лодку, и в свите короля произошло полное смятение, публика тоже невольно зашумела и заерзала на стульях, кашляя, вздыхая и вертясь, чтобы приготовиться к молчанию. Какой интересный момент! На сцене должен был появиться знаменитый тенор Франкетти, великий артист, про которого шла молва, что он женился на испанке Лопес, ища противовес своему отцветающему таланту в юности и чудном голосе жены. Кроме того, это был великий маэстро, который умел преодолевать трудности с помощью искусства.

И вот он появился на сцене, стоя в маленьком челне, опершись на длинный меч, держа в руках щит и сверкая стальной чешуей на груди. Гордая, вызывающая фигура этого рослого красавца, которого вся Европа носила на руках, приближалась, гордо выпрямившись во весь рост и сияя с ног до головы, точно серебряная рыба.

В театре наступила глубокая тишина, точно в церкви. Тенор глядел на лебедя, словно тот был единственным, достой-

ным его внимания существом, и в мистической обстановке раздался тихий, нежный, еле слышный голос, точно долетавший откуда-то издали.

– Благодарю тебя, о милый лебедь.

Весь театр вздрогнул неожиданно, как один человек, и публика вскочила на ноги. Какой-то резкий звук, точно разодралась старая декорация в глубине сцены, бешеный, жестокий, отчаянный свист потряс тишину так, что, казалось, задрожал свет в театральном зале.

Освистывать Франкетти, когда он только что открыл рот! Тенора, получающего за выход четыре тысячи франков! Публика в партере и в ложах взглянула на раек, гордо нахмурившись.

– Негодяй! Каналья! Неотес! В тюрьму его! – Вся публика вскочила на ноги, волнуясь и грозя кулаками в сторону старичка, который закутывался с носом в плащ и плакал, когда пела Эльза, а теперь вскочил и тщетно пытался объяснить что-то окружающим. *– В тюрьму его! В тюрьму!*

Два жандарма проложили себе дорогу в публике и, добравшись до старика, вытолкали его в коридор. Бедняга задевал всех спустившимся плащом и отвечал на угрозы и оскорбления отчаянными жестами, в то время, как публика стала шумно аплодировать, чтобы выказать свою симпатию Франкетти, который прервал пение.

Старик и жандармы остановились в коридоре, тяжело переводя дух после давки. Несколько зрителей вышло вслед за

ними.

– Просто не верится! – сказал один из жандармов. – Пожилой человек и с виду приличный...

– Что вы тут понимаете? – крикнул старик вызывающим тоном. – Я сам понимаю, что делаю. Знаете ли вы, кто я такой? Я отец Кончиты, той самой, которую называют в афише Франкетти, и которой разные дураки хлопают с таким восторгом. Что же, вас удивляет, что я освистал его? Я тоже читал газеты. Вот-то вранье: «Горячо любящая дочь... любимый и счастливый отец...» Все это вранье. Моя дочь перестала быть мне дочерью. Она – змея, а этот итальянец – подлец. Они помнят обо мне только, чтобы посылать мне милостивое подаяние, как будто сердце голодает и насыщается деньгами! Я от них ни гроша не принимаю. Лучше умру или буду надоедать друзьям и знакомым.

Теперь публика слушала старика. Окружающими овладело жгучее любопытство узнать поближе историю двух знаменитостей из артистического мира. И сеньор Лопес, которого оскорбил весь театр, жаждал излить свое негодование перед кем бы то ни было, хотя бы перед жандармами.

– Вся моя семья состоит из *нея*. Войдите в мое положение. Бедняжка не знала матери и выросла на моем попечении. У неё проявился голос. Она заявила, что желает быть артисткой или умереть, и вот её добряк-папаша решил, что она будет знаменитостью или они умрут вместе. Учителя сказали: надо ехать в Милан, – и сеньор Лопес уехал туда с дочерью,

оставив службу и продав маленький участок земли, полученный в наследство от отца. Господи, чего я только не выстрадал! Сколько я бегал, до дебюта, от маэстро к маэстро и от антрепренера к антрепренеру! Сколько унижений, сколько труда выпало на мою долю, все ради охранения девочки от соблазна! А сколько лишений, да, господа, лишений и даже голода – тщательно скрывая его – вытерпел я, чтобы сеньорита не терпела ни в чем недостатка! И вот, когда она выступила наконец на сцене, и имя её стало известным, когда я стал восторгаться результатами своих жертв, черт принес этого Франкетти. Они стали петь на сцене бесконечные любовные дуэты, влюбились друг в друга в конце концов, и мне пришлось выдать дочь замуж, чтобы она не злилась на меня и не терзала меня вечными рыданиями. А вы, наверно, не знаете, что такое брак между артистами? Это воплощение эгоизма, который выводит трели. Ни любви, ни привязанности, ничего. Голос и один голос. Мой поганец-зять стал точить на меня зубы с первого момента. Он ревнует меня, и решил удалить меня, чтобы забрать свою жену в полную власть. А она не только любит этого паяца, но даже привязывается к нему еще больше каждый раз, как видит, какие овации ему делают, и соглашается с ним во всем. Так, мол, требует искусство! Оно не допускает привязанностей и семейного образа жизни. Под этим предлогом они выслали меня в Испанию, и я, поссорившись с этим негодяем, поссорился и с дочерью. До сегодняшнего дня я их и не видал... Господа, ве-

дите меня, куда хотите, но я заявляю, что каждый раз, как буду иметь возможность, буду являться сюда и освистывать этого подлеца-итальянца... Я был болен, я одинок. Так это все ничего. Лопни, старик, как-будто у тебя нет дочери. Твоя Кончита принадлежит не тебе, а Франкетти... впрочем, нет, даже не ему, а искусству. И вот я скажу: если искусство состоит в том, что дочери забывают отцов, которые принесли себя в жертву ради них, то я плюю на искусство и предпочел бы вернуться теперь домой и застать свою Кончиту за штопкою моих носок.